

Научная статья
УДК: 343.71

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ИМУЩЕСТВОМ ПОСЛЕ СМЕРТИ СОБСТВЕННИКА

Виктор Александрович Смирнов

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, smirnovvical@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам уголовной ответственности за посягательства на имущество, совершаемые после смерти собственника. Актуальность исследования обусловлена недостаточной теоретической разработанностью данного вопроса и его неоднозначным отражением в судебной практике, приводящим к трудностям в процессе квалификации, а также непоследовательным и не единообразным приговорам. Автором были проанализированы тексты решений судов различных инстанций по делам соответствующей категории, что позволило выявить и систематизировать наиболее проблемные аспекты практики квалификации соответствующих деяний. В результате исследования сделан вывод о существенных разночтениях в теоретических и практических подходах их решения. Предложены направления решения данной проблемы в виде необходимости продолжения соответствующих научных исследований с их последующим внедрением в судебно-следственную практику, а также дачи надлежащих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: хищение, кража, мошенничество, потерпевший, наследство, присвоение

Для цитирования: Смирнов, В. А. Сложные вопросы квалификации неправомерного обращения с имуществом после смерти собственника // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 36. № 4. С. 213–227.

COMPLEX ISSUES OF QUALIFICATION OF UNLAWFUL HANDLING OF PROPERTY AFTER THE DEATH OF THE OWNER

Victor A. Smirnov

East Siberian Institute of the MIA of the Russia, Irkutsk, Russian Federation, smirnovvical@gmail.com

Abstract. This article investigates the legal implications of property offenses committed after the death of the owner. The importance of this research arises from the lack of comprehensive theoretical exploration and its inconsistent portrayal in judicial practice, resulting in challenges in categorization and disparate verdicts. The author scrutinized court rulings at different levels in these cases, which facilitated the identification and organization of the most contentious is-

sues in classifying such acts. The analysis reveals significant disparities between theoretical frameworks and practical application. The study suggests the necessity for ongoing research, its subsequent integration into judicial and investigative procedures, and the provision of necessary clarifications by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: steal, theft, fraud, victim, inheritance, appropriation

For citation: Smirnov V.A. Slozhnye voprosy kvalifikatsii nepravomernogo obrashcheniya s imushchestvom posle smerti sobstvennika [Complex issues of qualification of unlawful handling of property after the death of the owner]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025, vol. 36 no. 4., pp. 213–227 (in Russ.).

Введение

Вопросы квалификации преступлений против собственности традиционно занимают значительное место в теории и практике применения уголовного закона. Несмотря на их кажущуюся изученность и понятность, сказать, что все они нашли свое разрешение и не создают проблем в ходе расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о хищениях, не представляется возможным. Более того, анализ судебных решений (приговоров, актов апелляционной и кассационной инстанций) свидетельствует об обратном, – правоприменитель испытывает известные сложности с точной и правильной юридической оценкой произошедшего. В данной работе мы бы хотели остановиться на некоторых проблемах, возникающих в связи с совершением посягательств на имущество после смерти собственника¹.

¹ Автор выражает благодарность авторам телеграм-каналов по уголовному праву – профессору, д. ю. н. Есакову Г. А. (Записки профессора-уголовника – t.me/zapiski_esakov) и адвокату, к. ю. н. Никонову М. А. (Косатка кассатора – t.me/kassators), а также их подписчикам за предоставленную почву для идей и рассуждений.

Основная часть

Изучение материалов судебной следственной практики показывает, что весьма существенная часть посягательств на чужое имущество происходит в тот момент, когда его собственник умер. Спектр вариантов достаточно велик: после убийства злоумышленники забирают вещи, принадлежавшие убитому; случайные прохожие присваивают себе ценности, находящиеся при умершем; наследники, не дожидаясь установленного законом времени, начинают распоряжаться имуществом, составляющим наследственную массу, и т. п. Что же отличает эти случаи от «традиционных» вариантов хищений?

По нашему мнению, таковым отличительным моментом является именно смерть собственника. Как известно, смерть представляет собой обстоятельство, с которым связывается прекращение правоспособности умершего, является «исключительно правопрекращающим юридическим фактом» [1. с. 39]. И этот момент очень важен для уголовного права, ведь для признания содеянного хищением необходимо установить в том числе причинение ущерба. Ущерб при этом не является абстрактным понятием – он всегда конкретен и персонально ориентирован. То есть по каждому уголовному делу о хищении обязательным является установление того, кому именно он причи-

нен, кто является потерпевшим в уголовно-правовом смысле. Применительно к рассматриваемой нами проблематике вопрос можно сформулировать таким образом: кому в этом случае причиняется ущерб – самому умершему собственнику или его наследникам?

К сожалению, судебная практика в этих случаях не отличается единообразием: так, Восьмой кассационной суд общей юрисдикции, проверяя законность вынесенных решений по делу гр. П., констатировал, что «суды первой и апелляционной инстанций при решении вопроса о доказанности инкриминируемого осужденному квалифицирующего признака кражи «с причинением значительного ущерба», ошибочно исходили из материального положения матери погибшего, оценивая значимость причинённого ей ущерба, тогда как материальное положение непосредственно погибшего оставлено без оценки»²

С другой стороны, Московский областной суд, рассматривая уголовное дело по обвинению гр. Я. в совершении убийства и кражи с причинением значительного ущерба, указал, что квалифицирует его действия как кражу с причинением значительного ущерба гражданину, «поскольку он, после совершения убийства гр. Т. и гр. К., имея умысел на тайное хищение имущества и действуя из корыстной заинтересованности, тайно похитил из вышеуказанной квартиры имущество и денежные средства, принадлежащие гр. Т., на общую сумму 10622 рубля, которые он обратил

в свою пользу и распорядился в дальнейшем по своему усмотрению, причинив тем самым потерпевшему гр. Т. (отец потерпевшего – примечание наше) значительный ущерб»³.

Наконец, еще один пример: гр. Г. органами предварительного расследования обвинялся в совершении убийства своей бабушки и последующем хищении ее имущества (денежных средств со счета, а также двух мобильных телефонов и планшета). Учитывая размер похищенного, в объем обвинения был включен признак «с причинением значительного ущерба гражданину»; исходя из фактуры обвинения, – ущерб был причинен именно бабушке. Между тем лицо, признанное по данному уголовному делу потерпевшим, – сын погибшей, – в своих показаниях отмечал, что «каждая из сумм, снятых гр. Г. со счетов погибшей, составляет для нее и него значительный ущерб, поскольку это довольно крупная сумма денег. Погибшая была пенсионеркой, и это были все ее накопления, а у него на иждивении двое несовершеннолетних детей. Также у погибшей имелись мобильный телефон марки «Samsung» в корпусе бежевого цвета, мобильный телефон марки «Redmi Note 9 Pro», а также планшет «Surface pro 5» на общую стоимость... Сумма ущерба от хищения вышеперечисленных технических средств для него является значительной».

Бутырский районный суд не стал акцентировать внимание на том, кому именно причинен значительный ущерб, ограничившись констатацией, что «квалифицирующие признаки –

² Кассационное определение по делу № 77 - 2085/2023 от 18.05.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25700620&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 20.11.2025 г.)

³ Приговор по делу № 2-51/2019 от 04.06.2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=246693127&case_uid=c2f4f53e-565a-4a89-9940-99f3b49173b1&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 20.11.2025 г.)

«с причинением значительного ущерба гражданину», а также особо квалифицирующие признаки – «с банковского счета» по преступлениям, связанным с хищениями гр. Г. имущества, принадлежащего погибшей, в том числе денежных средств последней, объективно установлены и доказаны представленными в материалах уголовного дела доказательствами»⁴.

Столь вольный подход к решению вопроса о том, кому причиняется ущерб в результате подобных деяний, является недопустимым, поскольку, очевидно, противоречит принципам законности и справедливости. По нашему мнению, в таких ситуациях потерпевшими в уголовно-правовом смысле являются именно наследники:

1. В соответствии со ст. 1113 ГК РФ наследство открывается со смертью гражданина, а п. 4 ст. 1152 устанавливает, что «принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия...».⁵ Системное толкование указанных норм позволяет говорить, что именно в момент смерти прежний владелец перестает быть собственником, он

утрачивает правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим ему при жизни, а все права на него переходят его наследникам или государству (в случае выморочного имущества). Поскольку умерший объективно уже не в состоянии реализовывать вышеуказанные правомочия, то и ущерб ему никак причинить невозможно.

2. В свою очередь, объем имущества, который должен был составить наследство, очевидно, уменьшается, что приводит к ущемлению прав лиц, на него претендующих, и, следовательно, именно по отношению к ним необходимо говорить об ущербе.

3. Однако сам по себе факт нахождения лица на определенной ступени очередности наследников еще не говорит о том, что ему в результате совершенного хищения обязательно причиняется вред. Как известно, наследование – процедура добровольная и заявительная. Чтоб стать наследником в юридическом смысле этого слова, лицу необходимо совершить действия по принятию наследства (чаще всего обратиться к нотариусу с заявлением). То есть фактически об ущербе можно говорить только по отношению к тем, кто в установленном законом порядке выразил свою волю на такое принятие, а не любым равноочередным родственникам умершего.

4. Особенно это значимо при применении такого квалифицирующего признака как «с причинением значительного ущерба гражданину». Как известно, для его вменения необходимо «учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми

⁴ Приговор по делу № 1-63/2023 от 30.03.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mosgorsud.ru/rs/butyarskij/services/cases/criminal/details/b4ab55f0-4322-11ed-828a-7bc044b17a29?uid=77RS0003-02-2022-013241-48&formType=fullForm> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в последней редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2025. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.11.2025).

он ведет совместное хозяйство, и др.».⁶ Но, как следует из вышеприведенных рассуждений, у умершего уже нет никакого имущественного положения, установить значимость похищенного имущества именно для него невозможно. Поэтому анализ указанных обстоятельств должен проходить именно в отношении наследников, выразивших готовность принять наследство. Поскольку их может быть несколько, то и ущерб должен высчитываться по отношению к каждому отдельно, и, соответственно, критерии значительного ущерба должны применяться отдельно по отношению к каждому из них. То есть вполне возможны ситуации, при которых ущерб наследственной доле одного из наследников будет признан значительным, а другого – нет.

Таким образом, органы предварительного расследования, столкнувшись с подобными ситуациями, должны точно устанавливать круг наследников ближайшей одинаковой очереди, выяснять, совершали ли они действия по принятию наследства, а если нет, то планируют ли указанные действия, после чего принимать решение о количественном составе потерпевших и исходя из этого рассчитывать размер ущерба по отношению к каждому из них. По нашему мнению, при наличии нескольких наследников, которым в результате одного и того же хищения причинен имущественный вред, действия виновного должны быть оценены по

правилам идеальной совокупности (ч. 2 ст. 17 УК РФ) и влечь квалификацию отдельно по каждому потерпевшему, например, в отношении одного из наследников – ч. 1 ст. 158 УК РФ, а в отношении второго, с учетом его имущественного положения, – п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Представляется, что возможный довод «виновный не совершал несколько краж, он одним действием изъял и обратил в свою собственность имущество одного конкретного (пусть и умершего) человека» является несостоятельным. Действительно, чаще всего виновный в хищении не знает и не задумывается о том, кому именно (Иванову, Петрову, Кузнецову и т. п.) принадлежит похищаемое имущество, главное, что это имущество для него является чужим. Тот факт, что ему не известны положения законодательства о моменте прекращения права собственности у одного лица и переходе к другому, является, по сути, разновидностью юридической ошибки, которая по общему правилу на квалификацию не влияет. С субъективной же стороны возможность причинения ущерба не одному, а нескольким лицам вполне укладывается в общие формулы осознания общественной опасности совершаемого действия и предвидения наступления общественно опасных последствий. Отсутствие достоверных знаний о количестве потерпевших и, как следствие, размере ущерба каждому из них не «уничтожает» прямой умысел, а, скорее, делает его неконкретизированным, при котором квалификация осуществляется по фактически наступившим последствиям.

Процессуально сложнее выглядит ситуация, при которой на момент проведения расследования у органов предварительного расследования отсутствуют сведения о наследниках умершего. В данном случае, оценивая содеянное как хищение, следователь

⁶ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (в последней редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2025. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.11.2025).

неминуемо столкнется с проблемой, кого признавать потерпевшим от этого деяния. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ «если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице».⁷ Поскольку умерший таковым быть не может, а наследники могут быть не установлены к моменту истечения срока расследования, то выходом в этой связи представляется признание потерпевшим Российской Федерации, субъекта Федерации или муниципального образования (в случае если предметом преступления являлось право на недвижимое имущество) и привлечение к делу представителей Федерального агентства по управлению государственным имуществом в соответствующем субъекте либо соответствующего комитета по управлению муниципальным имуществом, так как при отсутствии наследников имущество становится выморочным (ст. 1151 ГК РФ). При этом, очевидно, содеянное не может оцениваться по признаку причинения значительного ущерба и при отсутствии другихотягчающих ответственность обстоятельств должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 158 УК РФ (а в случае недвижимого имущества – по соответствующей части ст. 159 УК РФ с учетом стоимости данного имущества).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в последней редакции) [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2025. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.11.2025).

Если же уголовное дело уже находится в суде, и в этот момент объявятся наследники, то при необходимости переквалификации содеянного на более тяжкое преступление судья будет обязан вернуть дело прокурору в порядке п. 6 ч.1 ст. 237 УПК РФ. Такая ситуация возможна в случае, если, например, вновь появившийся потерпевший будет настаивать на причинении ему значительного ущерба в результате совершенного преступления, которое органами предварительного расследования было квалифицировано по основному составу кражи.⁸

Еще одним теоретически сложным вопросом квалификации посягательств против собственности выступает проблема оценки действий лица, которое, совершив убийство наследодателя и будучи его единственным первоочередным наследником, завладевает имуществом умершего.

Так, гр. К. обвинялся в убийстве своей матери (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и краже с причинением значительного ущерба гражданину с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Из обстоятельств дела, обвиняемый, после того как совершил убийство, используя принадлежащий потерпевшей мобильный телефон, посредством мобильного банковского приложения перевел с ее счета на свой денежные средства на общую сумму 100 000

⁸ В предмет данного исследования не входит оценка возможностей подобных поздно объявившихся наследников на вступление в дело на любой стадии судебного разбирательства уголовных дел. Между тем содержание ст.ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ свидетельствует о том, что указанные лица вполне могут реализовать свои уголовно-процессуальные права на любом из предусмотренных этапов пересмотра уголовных дел и принять в том числе меры, чтобы действия виновного получили надлежащую уголовно-правовую оценку.

рублей, после чего распорядился похищенными денежными средствами по своему усмотрению. При этом и в ходе предварительного следствия, и в суде обвиняемый и его защитник активно поддерживали тезис о том, что гр. К. кражу не совершал, поскольку идея перевести денежные средства у него возникла уже после того, как он совершил убийство, полагая, что они принадлежат ему, так как он является единственным наследником первой очереди его матери; что статус недостойного наследника приобретает исключительно по судебному решению, а гр. К. таковым не признавался и неизвестно, будет ли он когда-либо признан таковым. Он до сих пор остается единственным наследником первой очереди. Судом в приговоре не указано, кому именно его действиями причинен ущерб, поэтому отсутствует важнейший признак объективной стороны преступления – общественно-опасные последствия.

Судом первой инстанции (Щербинский районный суд города Москвы) данные доводы были оставлены без внимания⁹, что послужило поводом для обжалования вынесенного приговора. Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с принятым решением, по приведенным доводам указал, что «согласно нормам гражданского законодательства право на имущество умершего у наследника возникает со дня принятия наследства, то есть со дня обращения наследника к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Между тем, как следует из материалов дела, денежные средства со счета потерпев-

шей были похищены всего через несколько часов после ее убийства, доказательств того, что к указанному времени гр. К. обратился в нотариальную контору не представлено, а следовательно, у него отсутствовало право на данные денежные средства».¹⁰ Данный вывод в дальнейшем был поддержан и кассационным судом.¹¹

По нашему мнению, суды в данном случае поступили формально, «по ситуации», просто воспользовавшись тем, что обвиняемый не совершил необходимых действий по принятию наследства. Между тем возникает вопрос, – изменилась бы квалификация содеянного, если бы виновный до снятия денежных средств со счета потерпевшей успел сходить к нотариусу и подать соответствующее заявление либо совершил любые иные действия, свидетельствующие о желании принять наследство? Вопрос, скорее, риторический, и проблема должна решаться на более глобальном уровне, с позиции «духа» закона, в соответствии с которым никто не может извлекать выгоду из собственного противоправного деяния (*nemo commodum capere potest de injuria sua propria*). Этот принцип, сформулированный еще в римском праве, представляет собой одно из

⁹ Приговор по делу № 1-477/2021 от 24.11.2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mosgorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/e0100650-a134-11eb-bf0d-35fe939efee9?uid=77RS0034-02-2021-009574-78&formType=fullForm> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

¹⁰ Апелляционное определение по делу № 10-21593/2022 от 01.11.2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/69b25050-4613-11ed-b5ef-a1d078f0231d> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

¹¹ Кассационное определение по делу № 7У-7413/2024 [77-2739/2024] от 24.10.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=13002252&case_uid=ad0c44af-6f65-4a91-a48d-10f74ead39b5&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 20.11.2025 г.)

базовых начал справедливости и правопорядка.

Применительно к рассматриваемой ситуации эта максима должна означать, что лицо, убившее наследодателя, не может извлекать имущественную выгоду из этого убийства и должно быть признано недостойным наследником. Однако положения гражданского законодательства о недостойных наследниках содержат существенную оговорку: недостойность наследника должна быть подтверждена в судебном порядке (ст. 1117 ГК РФ). Эта оговорка порождает вопрос о правовой природе судебного решения о признании наследника недостойным. Имеет ли такое решение конститутивный характер, то есть создает ли оно новое правовое состояние недостойности наследника, или же оно носит декларативный характер, лишь подтверждая объективно существующее состояние недостойности, возникшее в силу самого факта совершения противоправных действий?

От ответа на этот вопрос зависит решение проблемы определения момента, с которого лицо утрачивает право наследования. Если судебное решение носит конститутивный характер, то до его вынесения лицо формально остается наследником и потенциально может приобрести права на наследственное имущество. Если же решение носит декларативный характер, то лицо утрачивает право наследования с момента совершения противоправных действий, а судебное решение лишь констатирует этот факт с обратной силой.

Мы считаем, что правоприменителю стоит исходить именно из второго подхода. Законодатель использует императивную формулировку «не наследуют», а не «могут быть лишены права наследования» или «признаются утратившими право наследования». Это значит, что недостойность является объективным

правовым состоянием, возникающим в силу самого факта совершения указанных в законе действий. Судебное решение в этом случае выполняет функцию процессуального подтверждения уже существующего материально-правового состояния, необходимого для официального исключения лица из числа наследников при оформлении наследственных прав.

Поэтому для целей правильной квалификации содеянного необходимо исходить из того, что лицо, совершившее убийство наследодателя, объективно утрачивает право наследования с момента совершения этого преступления независимо от наличия или отсутствия судебного решения о признании его недостойным наследником. В этом случае виновный не сможет ссылаться, что изъятое им имущество для него не является чужим, и он никому ущерб не причиняет. Соответственно, потерпевшими от хищения должны будут признаваться наследники следующей очереди (если они есть и выразили намерение принять наследство) либо государство. В итоге, такое понимание исключит ситуации, при которых одно и то же лицо одновременно признается виновным в совершении тяжкого преступления и легитимным приобретателем имущественной выгоды, полученной в результате этого преступления.

Наконец, еще одной, к сожалению, регулярно возникающей проблемой является ситуация со снятием денежных средств со счета умершего, которые оказываются необоснованно поступившей пенсией (или иной со-

циальной выплатой).¹² В подобных случаях судебная и следственная практика идет по пути вменения снявшему лицу кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса) (п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ). На наш взгляд, подобное решение не всегда соответствует догматическому подходу относительно понимания основных признаков хищения, который в целом на протяжении долгого времени воспринимался на практике.

Во-первых, мы считаем, что не всегда правильной является оценка содеянного именно как кражи. Так, традиционным для русской уголовно-правовой школы на протяжении уже двух с половиной веков было и является понимание данного преступления именно как изъятия чужого имущества: «похищение есть изъятие вещи из чужого обладания, ... сопровождающееся фактическим упразднением чужого сохранения; ... то деяние, вследствие которого на стороне прежнего хозяина или владельца вещи теряется фактическое держание последней и заменяется обладанием, хотя бы кратковременным, в лице виновного» [2. с. 305]; «физическое вторжение преступника в сферу владения другого лица, завладение вещью, в чужом владении состоящую, исторжение вещи преступником из чужого владения и приведения ее в физическую от себя зависимость» [3. с. 5]; «предмет кражи должен быть похищен, то есть изъят из владения

или обладания того лица, у которого он находился в момент похищения» [4. с. 110]; «похитить – значит завладеть чужой вещью, находящейся в чужом владении. Этим похищение отличается от присвоения, при котором вещь находится во владении виновного. Владелец похищаемой вещи может и не быть ее собственником: вещь могла находиться у него в пользовании, на хранении и т. п. Признак того, что вещь не находится во владении виновного, имеет для состава кражи существенное значение...» [5. С. 12]; «...для обвинения в хищении необходимо установить, что преступник завладел чужим имуществом, которое к моменту изъятия находилось в собственности или во владении другого лица (т. е. уже вошло во владение последнего и еще не было из него)» [6. с. 232]. При этом изъятие в большинстве своем тоже понимается однозначно: «действия виновного по извлечению имущества из фондов собственника или владельца, имеющие своим результатом уменьшение стоимости материальных ценностей, составляющих эти фонды» [7. с. 176]; «исключение (обособление, отторжение) из сферы вещественного, имущественного обладания потерпевшего» [8. с. 30]. То есть о хищении в форме кражи следует говорить тогда, когда злоумышленник воздействует на имущество (забирает его, обособляет и т. п.), которым он в момент совершения деяния не обладает, оно находится под фактическим господством другого лица. В тех случаях, когда имущество изначально оказывается во владении преступника на законных основаниях или без его преступного воздействия, квалифицировать содеянное как кражу нельзя. Об этом свидетельствует и опыт отечественного законодательства предшествующих периодов. Так, и дореволюционные, и советские уголовные законы предусматривали в качестве

¹² Необходимо оговориться, что здесь рассуждения будут посвящены действиям субъектов, являющихся наследниками умершего. Очевидно, что подобные действия третьих лиц, не имеющих к наследству никакого отношения, вполне справедливо оцениваются как кража.

самостоятельных составов присвоение находки,клада, пригульного скота, случайно оказавшегося у виновного имущества. Это свидетельствует о том, что законодатель видел принципиальную разницу между кражей и подобными деяниями, и различие проводилось как раз в зависимости от того, каким образом имущество изначально оказалось у виновного, и в какой именно момент у лица возник умысел на его обращение в свою пользу – до фактического завладения им или уже после.

В этой связи распоряжение наследниками денежными средствами, составляющими пенсию, иные социальные выплаты и поступившими на счета клиента кредитной организации уже после его смерти, не должно рассматриваться как их изъятие у органов Социального Фонда России, поскольку их исключение из фондов данной организации произошло без участия этих лиц, а напротив, исключительно в результате действий (пусть и ошибочных) сотрудников этой организации. Нахождение этих денег на банковских счетах физических лиц не может быть интерпретировано как продолжение нахождения их под фактическим контролем Социального Фонда России.

В подобных ситуациях изначально вещное право распорядителя бюджетных средств трансформируется в обязательственное – право требования из обязательства в связи с неосновательными обогащением. Поэтому факт траты указанных денежных средств наследниками не подрывают и не прекращают это обязательство. У Социального Фонда сохраняется возможность требовать исполнения возникшей обязанности (в том числе и в судебном порядке) как минимум в пределах 3 лет с момента необоснованного перечисления, а у должника (наследника) – необходимость эту обязанность исполнить. В свою очередь, отказ от

выполнения этой обязанности не может выступать эквивалентом хищения, в противном случае это способно привести к подрыву всего гражданского оборота, поскольку неисполнение любого обязательства будет интерпретировано как преступление против собственности. Между тем уголовное право должно выступать как *ultima ratio* и не вторгаться в иные сферы (особенно в гражданско-правовую) вне исключительных обстоятельств.

Дополнительным подтверждением наших слов может служить статья 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности». Исходя из ее содержания, необходимо сделать вывод, что она как раз предусматривает ответственность за фактический отказ от выполнения своего обязательства, но только после вступившего в силу соответствующего судебного акта, которым подтверждена обязанность должника исполнить это обязательство. Ее существование как раз и свидетельствует о том, что уголовное право подключается к гражданско-правовым проблемам только в экстраординарных случаях невозможности их преодоления иными способами. В данном случае – в связи с особой злостностью поведения должника, которого даже судебная власть не может сподвигнуть выполнить обязательство. В случае же, если судебносудебная практика пойдет по пути привлечения к уголовной ответственности за любое произвольное неисполнение обязательства, то фактически произойдет так называемая «правоприменительная декриминализация» предусмотренного данной статьей преступления, что, конечно, будет противоречить логике законодателя, введившего указанный уголовно-правовой запрет.

Особенно наглядно абсурдность признания кражей рассматриваемых

действий наследников может быть продемонстрирована следующими примерами.

Допустим, у умершего клиента банка, помимо счета, на который поступала пенсия, имелись кредитные обязательства, которые погашались путем автоматического списания в определенные даты с этого счета («автоплатеж»). В случае, если после смерти данного лица на счет необоснованно поступила пенсия, а чуть позже эти средства были списаны банком в порядке погашения кредитных обязательств, можно ли говорить, что банк (в лице его руководителя, руководителя филиала, кредитного менеджера и т. п.) совершил хищение средств, принадлежащих Социальному Фонду? Представляется, что ответ очевиден.

Другим возможным вариантом являются случаи, когда банковской картой умершего завладевает третье лицо (злоумышленник) и осуществляет траты находящихся на счете, к которому она привязана, денежных средств. В этом случае квалификация содеянного как кражи будет абсолютно оправданной, вот только возникает вопрос – кому причинен ущерб: наследникам или СФР (если потрачена была необоснованно поступившая пенсия)? На наш взгляд, вне зависимости от того, какие именно средства находились на данном счете, ущерб будет причинен только наследникам. В противном случае мы должны будем констатировать, что факт подобной кражи фактически приводит к изменению стороны в обязательстве (замене должника), но это, очевидно, противоречит и законодательству, и здравому смыслу.

Таким образом, по нашему мнению, само по себе снятие наследниками денежных средств со счета наследодателя, которые оказались необоснованно поступившими социальными выплатами, не является основанием для признания содеянного

хищением (в частности, кражей). Представляется, что для «включения» уголовно-правовых механизмов необходимо установление злой воли этих лиц, которую они направляют на то, чтобы получить (продолжить получать) указанные выплаты, несмотря на смерть их законного получателя.

Так, Карачаевским городским судом Карачаево-Черкесской Республики за кражу в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ) была осуждена гр. Г., которая после смерти родственницы, за которой она осуществляла уход до дня смерти, зная, что на ее банковский счет после смерти продолжают поступать пенсионные начисления, производимые Государственным Учреждением отделения Пенсионного фонда по Карачаево-Черкесской Республике в связи с отсутствием в органах ЗАГС информации о смерти, пользуясь имевшейся у нее банковской картой умершей, продолжила снимать поступающие на вышеуказанный счет выплаты. Таким способом гр. Г. в период с мая 2019 по май 2022 года незаконно осуществила расходные операции – снятие денежных средств, принадлежащих ГУ ОПФР по КЧР со счета умершей в размере 860 948 рублей 89 коп., указанную похищенную сумму потратила на свои нужды, чем причинила ОСФР по КЧР материальный ущерб в крупном размере.¹³

Не оспаривая факт совершения осужденной хищения, мы не можем согласиться с его выбранной формой – кражей. В данном деле можно вновь наблюдать, что денежные средства

¹³ Приговор по делу № 1-109/2023 от 03.08.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://karachaevskygor-kchr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41997747&case_uid=646d2be2-41b9-4def-a226-c5e367c38f96&delo_id=1540006 (дата обращения: 20.11.2025 г.)

переводятся самим потерпевшим (ГУ ОПФР по КЧР), распоряжение ими происходит уже со счета, не имеющего к потерпевшему никакого отношения. Указанные обстоятельства, исходя из вышеприведенных рассуждений, для кражи не характерны. По нашему стойкому убеждению, в данном случае имело место мошенничество, совершенное путем обмана (в его пассивном варианте – умолчание об истинных фактах). Действительно, как следует из материалов дела, гр. Г. после смерти родственницы получила справку о смерти последней, но ее паспорт в органы записей актов гражданского состояния не отнесла. Она знала, что на карту умершей ежемесячно поступала пенсия, поэтому решила оставить карту у себя и пользоваться поступающими на нее денежными средствами, то есть пенсией родственницы. Она знала о том, что нужно отнести справку о смерти и паспорт умершей в органы записей актов гражданского состояния и получить свидетельство о смерти родственницы, но этого она специально не сделала, так как знала, что как только она получит свидетельство о смерти, то пенсия перестанет поступать...¹⁴

В некоторых случаях суды мотивируют невозможность квалификации содеянного как мошенничества по причине «отсутствия обязанности сообщать о факте смерти в органы пенсионного фонда». Именно такую формулировку использовал Братский районный суд, рассматривая дело гр. Б., обвиняемой в краже с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса) (п. «г» ч. 3 ст.

158 УК РФ). Исходя из мотивировочной части приговора, «подсудимая Б., имея корыстную цель, понимая, что не имеет ни законного, ни предполагаемого права на денежные средства Пенсионного фонда, ошибочно перечисленные на банковский счет умершего брата, незаконно похитила чужое имущество. При этом Б. действовала тайно, поскольку Пенсионный фонд не располагал сведениями о том, что банковская карта брата находилась в ее владении. Действия гр. Б. не образуют состав мошенничества, поскольку она не скрывала, не умалчивала факт смерти брата, влекущий прекращение выплаты пенсии, так как действующее законодательство не обязывает близких родственников сообщать о факте смерти в органы пенсионного фонда».¹⁵

Представляется, что в таком объеме указанные доводы об отсутствии мошенничества являются неубедительными и весьма скудными. Обязанности сообщать в органы Социального Фонда России о смерти лица у родственников действительно нет, но есть обязанность сообщить о факте смерти в органы ЗАГС, которые, в свою очередь, обязаны довести информацию о факте смерти по системе межведомственного взаимодействия до указанных в законе иных государственных органов, в том числе органов СФР (п. 1 ст. 66, абз. 2 п. 1 ст. 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»)¹⁶. Из со-

¹⁵ Приговор по делу № 1-43/2022 от 08.02.2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bratski-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=365966391&case_uid=d7e9d06a-fbc3-41f5-9ae4-79d907adbf6a&delo_id=1540006 (дата обращения: 20.11.2025 г.)

¹⁶ Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (в последней редакции) [Электронный ресурс]:

¹⁴ Там же

держания приговора неясно, по каким причинам выплаты пенсии не прекратились сразу же после смерти, а продолжались фактически еще 3 месяца. Как следует из материалов анализируемого дела, получатель пенсии скончался 7.12.2020, в то время как сведения о смерти поступили в органы пенсионного фонда только в марте 2021 года. За это время денежные средства, составляющие пенсию, были необоснованно зачислены 3 раза, а сама обвиняемая произвела 6 расходных операций на сумму около 27000 рублей.

По нашему мнению, в данном случае обязательными к выяснению должны были быть следующие обстоятельства: доводилась ли информация о смерти получателя пенсии до органов ЗАГС; если да, то кем и когда; является ли обвиняемая лицом, имеющим право на наследство, в случае, если информация о смерти была сообщена в органы ЗАГС своевременно, то чем была вызвана задержка в передаче информации органам Пенсионного фонда. От ответов на данные вопросы, на наш взгляд, будет зависеть и квалификация:

– если именно на обвиняемой лежала обязанность сообщить о факте смерти в органы ЗАГС, и она эту обязанность сознательно не исполнила, либо если она склонила иных лиц не выполнять эту обязанность, то в этом случае ее действия будут образовывать состав мошенничества (по аналогии с вышеприведенным Карачаево-Черкесским делом);

– если же она эту обязанность исполнила своевременно, но информа-

ция в органы Пенсионного фонда в установленный срок не поступила, то, основываясь на наших умозаключениях, можно предположить, что если она является наследницей первой очереди, в ее действиях отсутствует состав какого-либо преступления. Представляется, что ее недобросовестность в данном случае (могла сообщить об ошибочно поступающих платежах, но не сообщила) не является эквивалентом противоправности, которая выступает обязательным признаком хищения;

– если же она не является наследницей первой очереди, то вне зависимости от того, выполнена была кем-либо указанная обязанность или нет, ее действия будут образовывать состав кражи, но потерпевшими должны быть признаны эти наследники, а не органы Пенсионного фонда (в соответствии с приведенными в данной статье рассуждениями).

Выводы и заключение

Проведенное в данной статье исследование проблематики квалификации обращения с имуществом умершего собственника, безусловно, не может являться полной и всесторонней проработкой вынесенного для изучения вопроса. Рамки работы не позволили нам отразить нюансы восприятия наследниками такого имущества как «не чужого», дать оценку их реального или предполагаемого права на указанное имущество, рассмотреть вопросы наличия или отсутствия осознания ими факта необоснованности поступления тех или иных денежных средств на счет умершего и, как следствие, прямого умысла, проанализировать особенности «лежачего» наследства как предмета преступления и многие другие. Представляется, что все это задает векторы для дальнейшего научного анализа и совершенствования правоприменения. В то же время мы считаем, что количество обозначенных

проблем свидетельствует о необходимости обращения к ним Высшей судебной инстанции нашей страны

хотя бы на уровне специализированного Обзора судебной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Абрамян, С. К.* Смерть как правовое явление: уголовно-правовой и медицинский аспекты // Ученый XXI века. 2015. № 1–2 (2–3). С. 38–41.
2. *Белогриц-Котляревский, Л.* О воровстве-краже по русскому уголовному праву: историко-догматическое исследование. Выпуск 1. Киев: Университетская типография И. Завадского, 1880. 382 с.
3. *Спасович, В. Д.* О воровстве-краже // Журнал Министерства юстиции. 1859. Август. С. 1–38.
4. *Неклюдов, Н. А.* Руководство к Особенной части Русского уголовного права. Том 2. Преступления и проступки против собственности. СПб.: Типография В. П. Воленса, 1876. 752 с.
5. *Исаев, М. М.* Преступления против социалистической и личной собственности. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1945. 39 с.
6. *Бойцов, А. И.* Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 774 с.
7. Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений: учебник. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018. 353 с.
8. *Елисеев, С. А.* Преступления против собственности : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 194 с.

REFERENCES

1. *Abramyan, S.K.* Smert' kak pravovoe yavlenie: ugovovno-pravovoj i medicinskij aspekty [Death as a legal phenomenon: criminal and medical aspects]. Uchenyj XXI veka – Scientist of the 21st century. 2015, no. 1-2 (2-3), pp. 38-41. (in Russian)
2. *Belogric-Kotlyarevskij, L.* O vorovstve-krazhe po russkomu ugovovnomu pravu: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. Vypusk 1 [About theft and larceny under Russian criminal law: a historical and dogmatic study. Issue 1]. Kiev: University Printing House of I. Zavadsky, 1880, 382 p. (in Russian)
3. *Spasovich, V.D.* O vorovstve-krazhe [About theft and larceny]. Zhurnal Ministerstva yusticii - Journal of the Ministry of Justice. 1859. August, pp. 1-38. (in Russian)
4. *Neklyudov, N.A.* Rukovodstvo k Osobennoj chasti Russkogo ugovovnogo prava. Tom 2. Prestupleniya i prostupki protiv sobstvennosti [Guide to the Special Part of Russian Criminal Law. Volume 2. Crimes and Misdemeanors against Property]. – Saint Petersburg: Printing house of V.P. Volens, 1876, 752 p. (in Russian)
5. *Isaev, M.M.* Prestupleniya protiv socialisticheskoy i lichnoj sobstvennosti [Crimes against socialist and personal property]. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1945, 39 p. (in Russian)
6. *Bojcov, A.I.* Prestupleniya protiv sobstvennosti [Crimes against property]. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2002, 774 p. (in Russian)
7. Praktikum po osobennostyam kvalifikacii otdel'nyh vidov prestuplenij: uchebnik [A practical guide to the specifics of qualifying certain types of crimes: a

textbook]. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, 353 p. (in Russian)

8. *Eliseev, S.A.* Prestupleniya protiv sobstvennosti : kurs lekcij [Crimes against property: a course of lectures]. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2018, 194 p. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Виктор Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor A. Smirnov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the MIA of Russian, 110, Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.